

В то время как вся Москва живет ожиданием грядущих в середине марта гастролей Стинга, организуемых самым, похоже, музыкальным из всех финансовых учреждений — "Альфа-банком", в начале февраля благодаря любезному приглашению туристических компаний "Травелла" и "Флайт" в златоглавой Праге высадился музыкально озабоченный десант из представителей журналистской и прочей околмузыкальной общности г. Москвы. В его составе оказались и сотрудники "Московского комсомольца" — знаменитая персоналия "ЗД" Илья ЛЕГОСТАЕВ, а также непримиримая поборница прав студенческой молодежи и страшная поклонница Дэвида Боуи Ульяна ПОЦЕЛУЕВА. Вернулись они в Москву переполненные впечатлениями, о чем свидетельствует ниже публикуемый текст слов.

Мок. комсомолец 1996. 16 февр. 68

АУТСАЙДЕР

Приобщение к музыкальной жизни Европы началось с малопривлекательного сюрприза. Обещанный в качестве разогрева Морисси не приехал, что стало наглядным подтверждением упорных слухов о грандиозном скандале, который приключился между лидером "The Smiths" и г-ном Боуи. Местная пресса писала, что после концерта в Дублине г-н Морисси скрылся в неизвестном направлении и теперь предпочитает общаться с недовольными промоутерами исключительно через своих адвокатов.

Мятежного рокера пришлось заменить местными артистами. Среди них оказался весьма популярный в эстетских кругах музыкант Иван Крал (рок-эрудиты наверняка знают его по студийной работе с Игги Попом и Лу Ридом), а также команда с труднопроизносимым названием, по игре которой можно было понять, что ребята еще не совсем поняли, на кого они хотят быть похожими: на "Rolling Stones" или на Билли Айдола. Большая часть публики во время этой довольно продолжительной прелюдии находилась в фойе зала, активно скупая заметно подешевевшие пластинки хедлайнера представления.

Сам хедлайнер, несмотря на свое пренебрежительное отношение к журналистам, все-таки отвалился на пресс-конференцию, на которой дал понять, что, несмотря на все просьбы организаторов, он не собирается исполнять так называемые greatest hits, улаживая таким образом до сих пор еще ущербное честолюбие его восточноевропейских поклонников. "Это не вечер воспоминаний, а моя новая программа, — сказал г-н Боуи, — и поэтому я не вижу причин для того, чтобы играть в Праге нечто особенное". И пражане были очевидно польщены такой честью.

Однако, несмотря на столь серьезные намерения, в программе концерта все же нашлось место для старых песен. Правда, узнать их можно было далеко не сразу. В относительно первозданном виде сохранилась лишь "Under Pressure". Что касает-

на концертах почти все примодненные группы. Если музыкальные навыки зловонных молодых людей с обоих берегов Атлантики, делающих, по мнению критиков, музыку 90-х, как правило, сводятся лишь к умению извергать киловатты грязного саунда, то у музыкантов г-на Боуи хватает вкуса и умения неплохо импровизировать даже в таких узких рамках. В ходе концерта гитарная канонада самым неожиданным образом разбавлялась изящными клавишными проигрышами и роскошным бэк-вокалом. Если музыканты задумают выпустить концертную запись этой программы, то всем поклонникам г-на Боуи просто необходимо иметь ее в своей коллекции. Такого они еще не слышали!

Что же касается зрелищной части представления, то она удивила не меньше, чем сама музыка. Все было до неприличия скромно и местами даже аскетично. Поначалу российским посланцам, избалованным всякими дождями, фейерверками и выезжающими из-за кулис роялями, было даже непонятно, почему билет стоит 40 долларов. За все представление Дэви, некогда прославившийся своими экстравагантными костюмами, ни разу не переоделся и весь концерт отработал в омерзительного вида майчонке и штанах. Сцену украшали мрачного вида манекены (вполне в духе альбома "Outside"), простенький задник и ужасно старомодные прожекторы и стробоскопы. Остается только удивляться, как световикам удалось такими малыми средствами оригинально обставить каждую композицию программы и создать очень стильное и яркое зрелище. В итоге почти шесть тысяч человек, заполнивших спортивный дворец, под сводами которого в разное время развлекали народ "Dereche Mode", "Deep Purple" и другие суперзвезды, остались очень довольны. А российские фэны Дэвида Боуи, попавшие на это мероприятие, единодушно заявили, что пережили самый счастливый момент в своей жизни.

Илья ЛЕГОСТАЕВ,
Прага — Москва.

Чтобы остаться собой, надо вести партизанскую войну, самая большая награда в которой — твоя способность довести ее до конца, до самой могилы.
Дэвид Боуи, 1972 год.

А не впал ли старик Боуи в кризис жанра?

ся остальной классики, то от ее утонченного мелодизма и изысканности не осталось и следа. Оглушающие гитары, громоподобные барабаны и мрачный вокал иногда наводили на мысли о том, что суперстар в последнее время стал большим поклонником разного рода гитаристов-экстремистов. Наиболее показательной в этом отношении стала некогда тишайшая вещичка "Andy Warhol", которая превратилась в убийной силы гаражный рок, после чего наиболее скептически настроенные представители российских масс-медиа нарекли героя вечеринки "Дэвидом Роллинзом". Примечательно, что и композиция с альбома "Outside" тоже лишь напоминали свои студийные аналоги. Дэвид Боуи и его команда, состоящая из шестерых вполне пристойного вида джентльменов и одной бритой наголо леди, расхулиганились не на шутку. Со времен трогательного сотрудничества рок-легенды с воинствующими панками из "Tin Machine" "Outside" выглядела, безусловно, самой жесткой программой музыканта.

Однако, несмотря на эту отчасти конъюнктурную свирепость, живое музицирование Боуи и К⁰ явно отличается от того, что делают

В это самое время милый друг г-жи Поцелуевой и бескомпромиссный не только видеоман, но и музыковед Артем РОНДАРЕВ, вышедший недавно в вольное плавание независимой журналистики, а потому не попавший в официальную делегацию "МК", грыз ногти в порыве зеленой зависти и, не умея достойно совладать с этим низменным чувством, обрушил на беднягу Боуи всю остроту своей критическо-музыковедческой мысли, о чем и свидетельствует также публикуемый ниже текст слов.

Критика, похоже, окончательно списала Дэвида Боуи со счетов. Теперь он видится ей этаким мармеладным папашкой, который был неплох в 70-е, а сейчас нет-нет да и выкинет какое-нибудь колечко. Рецензии на последние его работы так и светятся добрым светом понимающего отношения к чудачествам старого дурня, пытающегося угнаться за крутым молодняком.

Я еще могу понять западные издания — те люди, по крайней мере, помнят потрясение в умах, вызванное Ziggy Stardust'ом, да и попросту подустали от постоянной клоунады "Человека, Продавшего Мир". Но наши-то, которые в 73-м упивались "Голубыми гитарами", и только самые продвинутые балдели под песню о сожженной студии звукозаписи? А большинству тогда и вовсе хитом были "Спят усталые игрушки". Они-то когда успели утомиться?

В этом смысле самым характерным отзывом о первой части гиперцикла Боуи "The Nathan Adler Diaries — Outside" ("Дневники Натана Адлера — Снаружи") можно считать отзыв ведущего музыкальной колонки одного из наших цветных журналов: "Старик, просто Боуи надоело быть маленьким. Он решил попытаться стать большим, старик". Ясная оглобля, старик, амбиции у всех есть. Простим Дэвиду эту слабость.

Оставим на совести этого человека глубокое музыковедческое наблюдение, что Боуи когда-то был "маленьким". На самом деле первая (прошу заметить) часть проекта довольно отчетливо обнаруживает приметку, по которой мало какой набор песен современной — и не только — рок-музыки, выдаваемый за цельное произведение или концепцию, может сравниться с макрокосмом, в котором, кажется, один только Боуи и способен существовать. Ибо работа его прежде всего уникальна тем, что в ней ставится проблема — и не привычная для рокера "Give peace a chance" либо "Свободу пингвинам Антарктиды", а невероятно сложная для разговора, и уж тем более музыкальным языком, проблема взаимоотношения искусства и мира и вопрос степени ответственности современного искусства за неприглядный лик современного мира. Вопрос вопросов для художников во все времена.

Исключительная острота его постановки требовала исключительного средства письма — и оно найдено: уникальность "Outside" еще и в том, что в нем нет ни одной принципиально новой идеи. Он весь насквозь пронизан цитатами — от музыки позднего романтизма и экспрессионизма, которую так любили дербанить помпезные команды 70-х, до обожаемых соавтором Боуи Брайаном Ино абсолютно немзыкальных электронных пространств. Между этими двумя полюсами — огромный причудливый ландшафт, поле руин, именуемое "XX век". (Кстати, Боуи, кажется, единственный человек, который умудрился осадить Ино, выпившего соки из массы не самых последних музыкантов.) И вместе со всем этим диск невозможно назвать как эклектичным — настолько он целен и адекватен как своей задаче, так и носителю, на котором он вышел, — маленькому блестящему кругу, на который теперь равнодушно умещается любая информация, от "не соси ты мишке лапу" до малеровских симфоний.

Показательно, что ни один человек — ни продавец в музыкальных магазинах, ни собственно музыкальные критики — так и не смог мне маломальски вразумительно охарактеризовать стиль, в котором написан альбом. Кто-то что-то бормотал про джаз, кто-то про Фрэнка Заппу, а один человек и вовсе сказал, что это не музыка, а рабочий материал. Наполовину отсюда и идет этот вялый разговор об "интересной попытке". Наполовину же — от тяги к "новью", так свойственной полуграмотному человеку. Под определение "новья" же Боуи не подпадает никак.

На самом деле стилю "Outside" нет имени, кроме одного — это просто стиль Боуи. Человека и музыканта ехидного, трагичного и бесстрашного. А главное — нестаряющего. И знающего, что новое — это отнюдь не хорошо забытое старое. Новое — это хорошо усвоенное старое.

Истина, хуже всего поддающаяся осмыслению в конце XX века. О котором и начата речь на диске "Outside" — работе действительно грандиозной и во многом итоговой. Не только для Боуи. Но и для всей культуры, к которой теперь только с большой натяжкой приставляется слово "поп".